

26.89(2P)

К61

К

КОЛУМБЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Сборник
документальных описаний
об открытиях
и изучении Сибири,
Дальнего Востока
и Севера
в XVII–XVIII вв.

Хабаровское
книжное
издательство

26.89(2P)

K 61

КОЛУМБЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Сборник
документальных описаний
об открытиях
и изучении Сибири,
Дальнего Востока
и Севера
в XVII—XVIII вв.

*Составление, предисловие,
комментарии, словарь
К. В. Цеханской*

Хабаровское
книжное
издательство
1989

«Скаска» Владимира Атласова

Владимир Владимирович Атласов

Владимир Владимирович Атласов — сын якутского казака — был зачислен на службу в день смерти своего отца, 3 июня 1682 г. Известно, что к этому времени Владимир Атласов был женат на некоей Степаниде Федоровне. Он был грамотным казаком, и уже в августе 1682 г. его послали на «двухгодичную службу» на реку Учур (правый приток Верхнего Алдана) в должности «подъячего». В январе этого же года Атласов вернулся с ясаком и известиями об обнаружении слюды. В августе 1684 г. В. Атласов снова в качестве подъячего был послан на далекую реку Уду, где было мало «прокорму», поэтому пришлось взять «добрые запасы». Но по пути с Атласовым и его товарищами случилось несчастье. На них напал казак Ларион Дурнев и забрал большую часть продовольствия. На Уде после этого пришлось жить впроголодь. Тогда же Атласов побывал на реке Хамун (Амгунь). В это же время до Удского острога дошли сообщения о том, что готовится нападение на Албазин и Удский острог. Сообщение поручили доставить в Якутск В. Атласову, дав в помощники трех казаков, среди которых был сын С. Дежнева Любим, а также Тимофей Борисов и Андрей Ципандин, ставший вскоре «начальным человеком» Анадырского острога. В Якутске Атласов пробыл год, в это время (1684 г.) у него родился сын Иван.

В августе 1687 г. В. Атласов сопровождал отряд казаков на Уду, вернулся в Якутск, добился выделения в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил в отцовском доме с братьями Иваном и Григорием.

В 1687 г. новый воевода Якутска Петр Зиновьев поручил Атласову вести борьбу с самогонщиками и неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся за выполнение поручения и явно перестарался, особенно со сбором недоимок. За рукоприкладство воеводе пришлось завести на Атласова специальное дело, и по его решению Атласов был публично порот «на козле». В 1691 г. В. Атласов впервые отправился на далекий Север, а летом следующего года принял участие в походе анадырского приказного Семена Чернышевского к восточным чукчам. Во время похода русские собрали новые сведения о землях восточных чукчей, а также особенно ценные сообщения об Аляске, об «острове», на котором живут иноземцы (эскимосы), которые «говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку». В августе 1694 г. Атласов снова оказался в Якутске, доставив туда партию пушнины. Тогда-то он и поведал якутскому воеводе И. М. Гагарину о том, что из Анадырского острога можно организовать походы с целью изучения «новых земель». Рассказ произвел впечатление. В. Атласов решил этим воспользоваться и попросил воеводу поверстать его в пятидесятники. Просьба Атласова была уважена 11 октября 1694 г. В августе следующего года он был официально назначен новым приказным Анадырского острога. На место службы он смог добраться лишь в конце апреля 1696 г. Здесь Атласов узнал, что на далекую Камчатку совершили поход Лука Семенов, Мороска Старицын. Они сообщили много интересных сведений о Камчатке.

В свой поход В. Атласов взял из Анадырского острожка 65 русских казаков, промышленных людей и 60 юкагиров. Начался поход неудачно. Не зная, что еще в 1696 г. на севере Камчатки Михаил Зиновьев Многогрешный уже собирал ясак с коряков, Атласов стал собирать его вторично. Коряки послали жалобу приказному Анадырского острожка Григорию Постникову, которого прислали на смену Атласову. Постников решил отозвать Атласова, но уже не смог нагнать его. Отношения с участниками похода складывались у Атласова сложно. Он восстановил против себя не только местных коряков, но и юкагиров, которые участвовали в походе. В результате юкагиры убили и ранили несколько человек. Таким образом, в 1697—1698 гг. у Атласова создалось сложное положение. Сознавая опасность отмщения, Атласов не спешил возвращаться назад на Север и решил сосредоточить свое внимание после похода

к олюторским корякам на южной части Камчатки — на землях камчадалов (ительменов) и курилов (камчатских айнов). Именно здесь он и проявил особую наблюдательность, снискав себе славу первого исследователя Камчатки.

Оправившись от ран, Атласов налегке отправился в Якутск. От обязанностей доставки пушнины его освободили. Донесения Атласова были так поразительны, что в июне 1700 г. его вместе с другими казаками отправили в Москву. 14 февраля 1701 г. Сибирский приказ выдал В. Атласову жалованье и покрыл часть путевых издержек. В конце февраля большой обоз Атласова из 18 подвод покинул Москву. Тогда же из столицы в Якутск была послана грамота о верстании в казачьи головы В. Атласова и посылке его с казаками в Камчатскую землю. Но на Камчатку Атласов попал не скоро. Роковую роль в его жизни сыграло разрешение закупить в Сибири за счет казны товаров на сто рублей. Узнав, что на Ангару идет торговый караван умершего московского купца Добрынина, Атласов решил самовольно забрать из этого каравана товаров на указанную сумму рублей. И хотя он составил подробный список изъятых товаров, его обвинили в «разбое» и на несколько лет задержали в Якутске. Следствие закончилось мирно. Атласов был освобожден и даже не разжалован и остался «казачьим головой».

На Камчатку Атласов вернулся со своей женой Степанидой Федоровной, с полномочиями камчатского приказного. Но, испытав на себе в Якутске жестокости, он начал править сурово. Своим грубым поведением Атласов способствовал тому, что на Камчатке в 1707—1711 гг. прокатилась волна казачьих восстаний, в результате которых он сам же стал жертвой. В январе 1711 г. восставшие казаки пришли к нему ночью с фальшивой грамотой, и когда он наклонился к свече, чтобы прочитать ее, то был убит ударом ножа в спину.

Первая «скаска»

Вл. Атласова*, 1700 года

«208 году, июня в 3 день, явился в Якутском в приказной избе, перед стольником и воеводою Дорофеем Афа-

* Печатается по: Оглобин Н. Н. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Общество истории и древностей российских. Чтения. М., 1891. Кн. 3.

насьевичем Траурнихтом да перед дьяком Максимом Романовым Якутский пятидесятник казачей Володимер Отласов и сказал:

В прошлом в 203 году, по указу великого государя, послан был он Володимер с служилыми людьми за Нос в Анадырское зимовье, для государева ясачного сбора. И собрав казну великого государя в Анадырском с ясачных Юкагирей на 205 год, выслал в Якуцкой город с служилыми людьми. И после ясачного платежа, в том же 205 году, по наказной памяти, пошел он Володимер из Анадырского на службу великого государя для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали. А служилых де и промышленных людей ходило с ним Володимером 60 человек, да для соболиного промыслу Анадырских ясачных юкагирей 60 человек.

И шли де они из Анадырского чрез великие горы на оленях полтретью недели и наехали подле моря к губе Пенжине реке в Акланском и в Каменном и в Усть-Пенжинском острожках неясачных сидячих пеших коряк¹ человек ста три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государской учaste (sic) учинились они неясашные коряки покорны.

А ружье де у них — луки и копье, и начального человека они над собою не знают, а слушают который у них есть богатой мужик. А товары де надобны им — железо, ножи и топоры, и палмы (?), потому что у них железо не родитца. А соболей де у них на устье Пенжины реки нет, а питаютца они рыбою, и аманатов не держатца.

И от тех де острогов поехал он Володимер с служилыми людьми в Камчатцкой нос, и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатцкого носа, по скаскам иноземцев — вожей, пошли они чрез высокую гору и пришед к Люторским острогам, к иноземцам к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом, и призвав их немногих людей и в ясак писал с них лисицы. А промышляют де они те лисицы себе на одежду близ юрт своих, а соболи де от них по горам недалеко белые, и соболей де они не промышляют, потому что в

соболях они ничего не знают. И русские люди у них прежде Володимерова с товарищи приезде никто не бывали, для того они соболей не промышляли. И бою де у них с ними никакова не было, а ружье де у них лук и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново — ножей и палем и копей — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатца-ж.

И от того острожка отпустил он Володимер 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторское море для проводыванья той земли и островов и для призыву под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежом. А сам де он Володимер с достальными служилыми людьми и юкагирями пошли подле Пенжинское море к Камчатке и к иным рекам.

И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласкою их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил.

И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к родником своим Кома с родниками юкагиря Позделя, и велел им их Володимера с товарищи побить, и отнюдь бы де их Володимера с товарищи не спускали, а он де Почина с родниками своими русским человеком не спустит — побьет их всех. И после того пришед они (юкагири) к Анадырскому острогу, хотели взять и служилых людей побить. А пронеслась де та речь от них же юкагирей, и потому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него Володимера в сторону и пришед сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжной след. И он Володимер для подлинного проводыванья послал с ними служилых людей 4 человек, и он Ома с родниками, отведя их казаков от него обманом, следу им не оказал, и заночевались. И ночью порою 4 человек казаков (Ома) убил до смерти, а родник де их Еремка Тугуланов на четвертого человека Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они юкагири ево Яшку в 4-х местах изранили. И послал он Еремка к ним Володимеру с товарищи родника своего со знаменем с наушками, и велел ему про убийство сказать. И родник ево им про убийство не известил, и совестясь с родниками своими с Омою с товарищи послал их чтоб они их побиили.

И они Ома с родниками на Палане реке великому госу-

дарю изменили, и за ним Володимером пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казачков убили, и его Володимера во шти местех ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек переранили. И Божиею милостию и государевым счастием они служилые справились и их иноземцев от себя отбили, и сели в осаде, и послали к товарищам своим служилым людям с ведомостью юкагирия, и те служилые люди к ним пришли, и из осады их выручили.

И услыша изменниковы родники от коряк весть, что родник их Почина с родниками товарищев ево (Атласова) служилых людей обманом побить не могли — многие учали быть покорны. И он де Володимер на Кыгыле реке дал им страсть (острастку) — бил батоги. А изменники де Ома (с товарищи) от них ушли.

И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему Володимеру служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут? И он де Володимер по челобитью их с Кыгыла реки, взяв вожев дву человек, пошел с служилыми людьми и с остальными ясачными юкагириями, которые не в измене, подле море, на оленях, и дошел на Камчатку реку².

И наехали 4 острога а около тех острогов юрт ста с четыре и боле, и подозвал их под царскую высокосамодержавную руку, и ясак с них вновь имал, а с кого имяны — подаст книги.

А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастью руским людям они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они Камчадалские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцев итти в поход и с ними их смирить, чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадалскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке

на низ. Иплыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А какплыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и в 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх; и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и русских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуда поплыли по Камчатке и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтобы им Володимеру с товарищи великому государю служить было не на чем. И он де Володимер с служилыми людьми увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и сугнав их у Пенжинского моря³, поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь, и Божиею милостию и государевым счастием их коряк человек ста с полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам.

И от того де места пошел он Володимер вперед подле Пенжинское море на Ичю реку. И услышал он Володимер с товарищи у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они камчадалы ево русаком⁴. И он де Володимер велел ево привести к себе, и камчадалы, боясь государственной грозы, того полоненика привезли. И сказался тот полоненик ему Володимеру: он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством⁵. Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб у иных вино и всякая ценная посуда. И у них де на одной бусе дерево (мачту. — К.Ц.) сломило и отнесло их в море, и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их 3 человек Курильского народа мужики, а достальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а

где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево 2 человека живучи у курилов померли, потому что они к их корму не привычны: кормятца де они курила гнилою рыбою и кореньем. И тот де индеец им Володимеру с товарищи — что они русково народа — обрадовался и сказал про себя, что он по своему грамоте умеет и был подъячим, и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он Володимер в Якутской. И взяв ево (полоненика. — К.Ц.) он Володимер к себе и оставил на Иче реке у своего коша, с служилыми людьми⁶.

А сам де он Володимер с служилыми людьми пошел подле Пёнжинское море вперед. И послыша их приход оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль и он де за ними гнался 6 недель. И мимо идучи на Нане, и на Гие, и на Ники, и на Сиунчю, и на Харюзове реках неясашных камчадалов под царскую высокосамодержавную руку призывал и ясак с них ласкою и приветом имал, а с кого имяны — тому подаст книги.

И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугнали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они коряки учинились непослушны и пошли от них на побег, и он Володимер с товарищи их постигли и они иноземцы стали с ними битца, и Божию милостию и государевым счастьем их коряк много побили, и дому их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они Курильских мужиков⁷ 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де Володимер с товарищи из трех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего⁸. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболей и лисицы никуды нейдут.

А до Бобровой реки, которая на Пенезжской стороне, не доходил он Володимер за три дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он Володимер со служилыми людьми назад и пришел на Ичю реку. Божиим изволением олени у них выпали и итти им было вскоре в Анадырский острог

не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку реку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он Потап писал к нему Володимеру: камчадалы де все живут в совете, а в ясак упрашиваютьца до осени.

И на Иче реке служилые люди били челом великому государю и подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Ичи реки итти в Анадырской, потому что у них порошу и свинцу нет — служить не с чем. И потому их челобитью он Володимер с служилыми людьми и с полонеником с той Ичи реки пошли в Анадырское зимовье.

И идучи дорогою оленной коряка Эвонто, которой убежал из Анадырского, и сказал ясашным юкагирам, что де Анадырской острог взят, служилые и промышленные люди побиты и аманаты выпущены, и Чюванского роду Омеля Тюляпсин с товарищи 30 человек изменили и дву человек — казака да промышленного убили.

А в сборе у него Володимера ясачной казны 8 сороков⁹ соболей, 191 лисица красных, 10 лисиц сиводущатых¹⁰, 10 бобров морских, парка соболя, 7 лоскутов бобровых, 4 выдры, да староплатежных юкагирей, которые ходили с ними в поход — 42 соболей, 26 лисиц красных. А у многих де соболей хвостов нет, для того что они камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из иных шьют наушники.

А из Анадырского ходу до Пенжины реки тихим путем 3 недели, а от Пенжины до Люторских народов 2 недели, а от Лютор до Камчадалских первых рек 6 недель, а от Кыгыла реки до Камчатки (реки) переход на оленях 2 недели, а до Курил ходу от Кыгыла ж 5 месяцев.

И он де Володимер из Анадырского с служилыми людьми и с казною великого государя и с полонеником пошел в Якутской город.

И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей и итти было ему невмочь, и он де Володимер того полоненика с дороги с провозатыми возвратил в Анадырской. И после того встретя на дороге прикащика Григорья Посникова и о том ему говорил, чтоб он ево не задержав, выслал в Якутской с служилыми людьми, и дал ему Григорью 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подвод.

А книги де он Володимер вышписанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своею рукою

вскоре. А дорогою де он Володимер тех книг не написал, потому, что не было у них писчие бумаги.

И есть ли из Якуцкого на Камчатку служилым людям впредь будет посылка, и с ними надобно послать 2 пушечки небольшие, для страха иноземцом, потому что после их Володимера с товарищи тех вышеописанных родов иноземцы острога свои от приходу русских людей почали крепить».

На обороте листов по склейкам: «Якуцкого города пятидесятник Волотька Атласов руку приложил».

Вторая «скаска»

В. Атласова, 1701 г.

«1701 году, февраля в 10 день, явился в Сибирском приказе Якуцкой казачей пятидесятник Володимер Отласов, а по допросу сказал:

Из Якуцкого де он Володимер пошел в 203 году, августа в последних числах, в Анадырское зимовье, для государева ясачного сбора, а с ним было якуцких служилых людей 13 человек. Из Якуцкого де переплыв он в лодках через Лену реку, взяв конные подводы, шли еланскими и луговыми местами по Алдану реки дни с три. А ходу в день будет верст по 30-ти. А переехали через Алдан в лодках, а коней от Алдану наймовали, и через Алдан плавили повыше устья за день против р. Токулана. А Алдан река величиною будет против Москвы реки вдвое. А против, р. Токулана вверх по правой стороне шли коньми ж, по грязным и каменистым местам до самой вершины 11 дней. А зима захватила их на устье Токулана реки. А та Токулан река меньше Москвы реки. И перешед Токулан реку пришли на вершину Яны реки, через камень 1 день, и шли по Яне реке вниз коньми недели с две до Верхоянского зимовья.

И в Верхоянском зимовье, наняв новых лошадей, шли на низ по Яне, а Яна река шире Москвы реки и перешли на Тастак. А Тастак река меньше Москвы реки и мелка. А с Тастаку на Галяндину речку, а та Галянда р. пала в Индигирку реку, под Индигирским острогом. И шли тою Галяндю речкою до Индигирского острожку на конех же. А всего ходу и с простоем от Якуцкого до Индигирского острожку недель по шести и по семи.

А из Индигирского острожку на низ по Индигирке шли на наемных оленях дней с 5 или с 6, до Уяндинского зимовья. А та Уяндина река пала в Индигирку р. с левой стороны. А от Яндина шли небольшое место на низ по Индигирке и перешли через хребет до Алазейского зимовья, а ходу дней с 8 или с 10. А от Алазейского зимовья на оленях же через хребет шли до Колымы реки до урочища Ярмонги 2 дни. А с ярмонги шли на низ по Колыме дней с 10 на Тартах до Нижнего Колымского зимовья, а то зимовье близь самого устья.

А от Колымского зимовья пошли вверх по Анюю реке и через хребет до Яблонной реки, а по Яблонной вниз до Анандыря реки, и по Анандырю вниз до Анандырского острогу, недели с 4, а налехке весною выходят недели с три. А в подводы коней и оленей наймуют они служилые люди собою у ясачных иноземцов.

А меж Колымы и Анандыря реки необходимой (непроходимой.— К.Ц.) нос, которой впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он Володимер не бывал. А тутошные инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острову зимою как море замерзнет приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он Володимер видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными.

И в Анадырском де зимовье собрал он Володимер служилых и промышленных людей человек с 60-т, а что с теми людьми он Володимер учинил и куды ходил и то де писано в допросе ево, которой прислан из Якуцкого и в ево Володимерове челобитной, что прислана из Якуцкого под отпискою.

А идучи в Камчадалскую землю и из Камчадалской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцов, и рыбою, которую они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетями, которые взяты были с ними из Анадырского зимовья.

А рыба в реках Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больши семги, а иноземцы ее называют овечиною¹¹. И иных

рыб много — 7 родов разных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях¹². И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снега бывают небольшие, а в Курильских иноземцах снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемуха¹³, жимолость — величиною меньше изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине. А на деревьях никакова овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, величиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, а как высохнет — будет бела, и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка что сахар¹⁴.

А деревья растут — кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник¹⁵.

А на Пенжине живут коряки¹⁶ пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья шеманы — вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат¹⁷.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и рондужные¹⁸.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты от юрт по блиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши камня кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть левкашенная и олифляная¹⁹, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только оне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

И с теми камчадалы всякую речь, о чем руским людем доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у русских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает²⁰.

А за камчадалыцами вдаль живут Курильские иноземцы — видом против камчадалыцов черные и борода меньше²¹. А в той Курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж что и камчадалыцы, только камчадалыцов оне скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдале за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду велика гораздо и высока, а другая близь ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А называют камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось — не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубине сажени на три²².

А вышеописанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцев никуда не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакого, у них нет, только одне собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами²³ у реки, где рыбы бывает много, а иных соболей на дерев стреляют.

А воюют те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми²⁴. А бои с русскими людьми у них были только до тех мест как сойдутся с рускими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадалы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой²⁵, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие²⁶, выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли — не ведают. А летом на том море люду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он Володимер казака для проводыванья иноземцев, и тот казак по Камчатке

до моря ходил и сказывал что он видел по Камчатке камчадалских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и 150²⁷. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до русских людей острогов у них было меньше, а при русских людех острожков поставили больше для опасения, и из тех острожков бьются — бросают камнем, пращами, и из рук большим камнем с острогу мечют, и обостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцев — противников побивают. А где острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и розрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойти — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадалской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи(ны) реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдале ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки²⁸ на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют²⁹. А с тех де островов к Курильским иноземцем приходит ценинная посуда и платье даб³⁰ полосатых и пестрых китаек и лензовые³¹ азямы³². И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают³³. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадалской стороне повыше Камчатки (реки) к Каланской Бобровой реке³⁴ приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей³⁵ и каланской жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпы, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — и каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут пото-

му что ноги у них самые малые, а береги деревянные (Sic!.. каменистые?..), крепкие.

А Амур река далеко ль — про то он не ведает.

А у Пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, а поперег сажени $1\frac{1}{2}$, и в середине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а далеко ль на море в тех байдарах выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

«А полоненик, котораго на бус морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ Божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное поруски, для того что жил он с ним Володимером 2 годы; а иное говорил через толмачь по коряцкому языку, для того что у иноземцев жил он до него Володимера два ж годы. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты ценные, а у царя де индейского³⁶ палаты сребряные и вызолочены.

А у Курильских иноземцов взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним Володимером на лыжах от Анадырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел, и затем поворотил ево назад в Анадырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якуцкой выйдет³⁷. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен³⁸.

Да он же Володимер вез с собою камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот

иноземец говорил поруску, и в Кайгородском уезде весною умер.

А у сибирских иноземцев у всех учтивости никакой нет — люди худые, чистоты никакой не имеют».

По нижним полям листов и в конце текста: «К сему добросу (Sic) Якуцкой казачей пятидесятник Волотка Атласов руку приложил».

КОММЕНТАРИИ

¹ *Пеших коряк* — т. е. оседлых, не имеющих оленей.

² Как писал Л. С. Берг, «наименование Камчатка» встречается на «чертеже» Сибири Петра Годунова 1667 г., а в «списке с чертежа 1672 г.» говорится о реке Камчатке.

Русские могли прослышать о Камчатке только после открытия реки Анадырь, куда впервые проник М. Стадухин в 1647 г. посуху, с Колымы. А первыми из русских, открывших Камчатку с моря, были Алексеев и его спутники, среди которых был и С. Дежнев. Они обогнули северо-восток Азии в следующем 1648 г. По некоторым известиям, часть людей Алексеева была отнесена к югу и достигла реки Камчатки, где на реке Федотовке, по сведению историка Миллера, еще в 1728 г. видны были остатки русских зимовий.

³ *У Пенжинского моря* — т. е. у Охотского моря.

⁴ Это был японец по имени Денбей из города Осака на острове Хондо, или Нипон. Он жил на Камчатке у «иноземцев» уже два года, и Атласов объяснялся с ним через коряцкого толмача. Впоследствии японец, живя два года у Атласова, выучился говорить по-русски.

⁵ *Индя* — японский город Иеддо, или Токио, название которого на диалекте жителей города Осака звучит «Ендо».

⁶ Позднее, попав в Москву, Денбей в своей «скаске», данной в Сибирском приказе (1702 г.), сообщил очень интересные сведения о своем плавании, о Камчатке и о Японии.

⁷ *Курильскими мужиками* назывались жители так называемой «Курильской Лопатки», т. е. с южной части Камчатского полуострова. В отличие от них жители Курильских островов назывались «мохнатыми курильцами». Это первое упоминание о курилах или айнах, которые обитали на острове Хоккайдо (Иезо) и в «южной» части Сахалина. Сами себя они называли айну, что значит «человек». Народ этот резко отличался от своих соседей сильно выраженной растительностью. Чуванцы, о которых упоминает Атласов, — племенная группа юкагиров. «Люторы, алюторы» — группа приморских коряков.

⁸ В 1705 г. пятидесятник Колесов посылал на немирных курил казака Лашаева с 40 служивыми. Курилы не соглашались платить ясак; сто человек из них было побито, а остальные покорились.

⁹ Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и назывались «сороками». Высшего качества соболи подбирались по паре и назывались «паренными»; самые хорошие экземпляры, даже не имевшие себе пары, шли одиночками и назывались «непаренными».

¹⁰ *Сиводушка* — разновидность обыкновенной лисы, у которой брюхо

черно-бурое. Сиводушка представляет нечто среднее между красной и черно-бурой лисой.

¹¹ *Овечина* — чавыча, рыба из рода восточных лососей, которой Атласов дает название, заимствованное из языка «сидячих коряков» (евоч). Чавыча самая лучшая и самая крупная из камчатских проходных (т. е. из входящих из моря в реки для икрометания) рыб.

¹² Здесь имеется в виду красная рыба. Атласов правильно замечает, что чавыча и родственные ей тихоокеанские лососевые (кета, горбуша и др.) мечут икру раз в жизни, а затем погибают.

¹³ Брусники и черемухи на Камчатке много. Черемуху камчадалы едят как свежую, так и в виде лепешек, приготовляемых из растертых и высушенных на солнце плодов.

¹⁴ Речь идет о сладкой траве (*Heracleum dulce*), из которой местные жители добывали сахар и вообще употребляли как сладкую приправу, а русские курили вино; сок из сладкой травы, сорванной весной, служил для выведения вшей.

¹⁵ «*А деревья растут — кедры малые...*» — Малый кедр — это *Pinus pumila*, кустарниковый кедр, кедровник или сланец, орехи которого играют важную роль в жизни местных жителей. Ель представлена лесами из аянской породы (*Picea jezoensis*). Ель обычно смешана с лиственницей, осинкой и березой. По горным склонам растут светлые леса из развесистой и кудрявой каменной березы (*Betula Ermani*), имеющей серую или красноватую кору.

¹⁶ *Коряк* на языке этого народа значит «оленный», сами же себя оленные коряки называли чаучу, что значит «оленеводец».

¹⁷ В настоящее время южная граница проживания коряков — река Тигиль, на западном берегу Камчатки; Укинская губа и Карагинский остров — на восточном.

¹⁸ *Рондужные* — т. е. из оленьих кож.

¹⁹ Здесь, очевидно, речь идет о японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним курильцам, потом к ближним, а последние привозили ее на Южную Камчатку. Левкас (*leukas* — греч.), по Далю, «у иконописцев и позолотчиков род жидкой шпаклевки, мел с клеем для подготовки под краску и позолоту». При изготовлении японской лаковой посуды деревянную посуду сначала левкасят, а потом олифят.

²⁰ Объяснялся Атласов с камчадалами при посредстве коряков, живших у русских и знающих русский язык.

²¹ По-видимому, здесь описка — вместе «больше», т. к. согласно описаниям у камчатских курилов бороды были больше, чем у камчадалов.

²² Гора, из которой идет дым и пламя, — это Ключевская сопка (4860 м), а другая, по-видимому, — Шивелич (3300 м).

²³ *Кулемами* — т. е. ловушками.

²⁴ Камчадалы думали, что русские имеют огненное дыхание.

²⁵ *Лазоревый* — т. е. голубой бисер.

²⁶ *Бобры* большие — так называемые морские бобры (*Enhydra lutris*), или каланы, правильное — морские выдры, т. к. с настоящими бобрами, кроме качества меха, они не имеют ничего общего.

²⁷ Острожками русские называли камчадалские «юрты», т. е. землянки, укрепленные земляным валом и частоколом. Подобные укрепления камчадалы стали воздвигать после появления казаков.

²⁸ Атласов не только собрал сведения о Курильских островах, но и был первым русским в 1697 г., который видел один из островов, хотя

сам на островах не был. С реки Голыгиной (или, как он ее называет, «первой Курильской реки») под 52°10' с. ш. Атласов мог видеть самый северный остров Алаид.

²⁹ *Курильскими иноземцами* Атласов называет не жителей Курильских островов, а обитателей южной оконечности Камчатки, к югу от рек Большая и Авача.

³⁰ *Ценинная посуда* — старинное название хорошей каменной посуды, т. е. фаянса и фарфора.

Даба — китайская хлопчатобумажная ткань.

³¹ *Лензы* — употребляемое местами в Сибири название легкого атласа. Лензовый — значит атласный.

³² *Азям* — слово, взятое из татарского языка, означает «зипун».

³³ Фарфоровая посуда, платье, о которых рассказывали курильские иноземцы, могли происходить только из Японии. С этой страной жители Южной Камчатки были знакомы из рассказов через жителей Курильских островов, ходивших на Камчатку на судах для торговли, и от самих японцев, которых иногда бурей прибивало к берегам Камчатки. Японцы никогда не вели торговлю непосредственно с камчадалами.

³⁴ *Каланская, или Бобровая, река* — река Озерная, вытекающая из Курильского озера. Калан — камчатское название морского бобра.

³⁵ *Нерна* — тюлень.

³⁶ *У царя индейского* — т. е. в Токио.

³⁷ Пленника Атласов отнял у туземцев и содержал вместе со служилыми людьми на реке Иче (впадающей в Охотское море), а затем все вместе пошли в Анадырское зимовье, куда прибыли 2 июля 1699 г.

³⁸ Полонник Денбей был в 1701 г. доставлен в Москву и 8 января 1702 г. представлен Петру I. Это был первый японец в России. Петр велел обучать его русской грамоте, «а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить их японскому языку и грамоте». Затем Петр приказал: «его, иноземца, утешать: «когда он подучит русских робят японскому языку его отпустят в Японскую землю». Однако это обещание не было выполнено: в 1710 г. Денбей бил челом Петру об отпуске в свою землю, но царь не позволил и велел японца окрестить. При крещении его нарекли Григорием.